

3. Терский В. Н. Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко [Текст] / В. Н. Терский. М., 1959.

4. Юрченко В. З. Из воспоминаний об А. С. Макаренко [Текст] / В. З. Юрченко // Нач. школа. 1944. № 5.

А. В. Ткаченко

СОЦВОС И ЦЕРКОВЬ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОЛОНИИ ИМ. М. ГОРЬКОГО И КУРЯЖСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩИНЫ

При переводе Полтавской трудовой колонии им. М. Горького в Куряж возникло соседство возглавляемого А. С. Макаренко инновационного воспитательного учреждения с действующим религиозным учреждением – Спасо-Преображенской церковью. Эта церковь была последним действующим культовым сооружением куряжского Преображенского мужского монастыря, основанного архимандритом Иоилем еще в 1663 г. В 1788 г. монастырь был закрыт и по распоряжению консистории назначен для пребывания на покое монахов всех закрытых обителей Белгородской епархии. Однако в 1796 г. обитель была восстановлена со званием заштатной пустыни.

Необходимость считаться с тем, что центральная часть усадьбы колонии принадлежит другому собственнику, беспокоила Макаренко на протяжении всей его работы в Куряже. Но создавшаяся коллизия имела характер не столько территориальный либо имущественный, сколько идеологический. Макаренко больше всего беспокоил контраст между атрибутами создаваемой им новой педагогики и религиозного учреждения. Единственным выходом из этого противостояния он считал устранение монастырского храма. Можно предположить, что борьба вокруг указанного вопроса рассматривалась Макаренко как своеобразное педагогическое средство в воспитательной системе колонии им. Горького. Недаром «церковный» вопрос звучит своеобразным рефреном на страницах 3-й части «Педагогической поэмы». Так, в главе «Первый сноп» автор описывает свои переговоры с церковным советом по поводу ликвидации храма [1, с. 592–593], а глава «Жизнь покатила дальше» раскрывает формы противостояния церковникам со стороны колонистов [1, с. 615]. Эта ситуация противостояния церкви

подробно комментируется А. С. Макаренко в письме к Г. С. Салько от 16 апреля 1928 г., где он описывает случай, произошедший на тогдашнюю Пасху и демонстрирующий обострение конфликта с верующими [2, с. 41–42].

В одном из первых проектов договора между Наркомпросом и Харьковской окружной инспектурой наробраза (ОИНО) и комиссией помощи детям (ОКПД) о переводе колонии им. М. Горького в Куряж, составленном в марте 1926 г., говорилось: «Указанные три ведомства принимают все меры к закрытию и передаче в распоряжение Колонии, находящейся на территории Колонии церкви» [13]. Можно предположить, что автором этого требования был сам А. С. Макаренко. В первом, отправленном с нового места письме Горькому 23 мая 1926 г., он сетует: «Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых» [3, с. 32].

Позже, на июльском пленуме ОКПД, в своем докладе о работе колонии А. С. Макаренко, вероятно, снова поднял этот вопрос, ибо пленум постановил: «Считать необходимым поддерживать ходатайство о переводе места совершения религиозных обрядов с большего помещения в меньшее» [5]. Впрочем, нам не удалось найти документов, подтверждающих, что ОКПД стремился выполнить свое постановление. Не получив реальной поддержки со стороны ОКПД, колония в октябре месяце того же 1926 г. составляет обращение к Президиуму Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) с просьбой позволить закрыть, а потом совсем разобрать монастырскую церковь. В фондах Харьковского областного архива сохранился написанный рукой А. С. Макаренко на украинском языке оригинал этого документа:

«Посреди нашего двора стоит бывшая монастырская церковь. По воскресеньям и по некоторым будням в этой церкви служитя, поет на всю колонию хор и пахнет ладан. Иногда в церковь привозят покойников, а по праздникам частенько во двор колонии влетают на тройках и на лошадях свадьбы, почти всегда пьяные: кое-кто тут же возле церкви пьет самогон, кричит и поет, а наши хлопцы стоят вокруг и смотрят.

Между хлопцами и церковниками не может быть согласия: у нас всегда есть новенькие, а есть и характеры невыдержанные. Бывает, кто и вступит в спор, начнет доказывать, что бога нет. А другой, не без греха, залезет на колокольню, начнет звонить, или набьет кирпича в церковный замок. От этого возникают ссоры и портятся отношения между нами и крестьянами.

Иначе и быть не может, ибо та церковь занимает весь двор, и хлопцам после работы ни поиграть, ни побегать негде: стоит та церковь всем на пути – кинет кто мяч, то он и летит в церковное окно, то уж теперь у нас запрещено играть в футбол. Нас же всех 350, и нам трудно так повернуться, чтоб ту церковь не зацепить.

Благодаря той церкви мы не хозяева в своем дворе, через двор ходит кто хочет, а спросить нельзя... Мы все обращаемся в Президиум ВУЦИК с ходатайством, чтоб та церковь, которая стоит в нашем дворе, была закрыта, а потом совсем разобрана, ибо колония совершила большие расходы на ремонт, построила новые дома, собирается сидеть здесь долго, и совсем трудно нам жить рядом с церковью и неприятно» [6].

Последующие документы демонстрируют путь решения дела: 22 октября ОИНО поддерживает ходатайство колонии перед президиумом окрисполкома (ОИК) [7]; 11 ноября ОИК поднимает этот вопрос перед НКВД [8]; 18 ноября НКВД отказывает в удовлетворении ходатайства, объясняя, что «указанная церковь обслуживает религиозные потребности достаточно многочисленной по количеству религиозной общины и что здание указанной церкви для функциональных потребностей колонии не необходимо» [9].

Последним из известных нам документов по этому делу является акт июньского 1927 г. обследования колонии им. М. Горького комиссией Харьковского горсовета, где говорится как о ненормальном явлении нахождении церкви во дворе колонии и предлагается задействовать для решения проблемы президиум горсовета [10], а также протокол заседания пленума комиссии соцвса горсовета от 12 августа 1927 г.: «Имеющуюся в открытом виде на территории Монастырскую церковь следовало бы закрыть, а для нужд населения религиозно-настроенных отвести, т. е. открыть в другом участке бывшего монастыря церковь» [11].

Кроме горьковской колонии, религиозные сооружения находились на территории тех интернатных учреждений, базой для которых послужили монастырские подворья. Именно в это время (декабрь 1926 г.) с заявлением о разрешении перестроить помещение бывшей церкви под мастерские выступил Богодуховский детгородок.

Именно со столкновения с религиозной общиной началась славная история другого известнейшего интернатного учреждения Харьковщины – Ахтырского детского городка. Его руководитель, М. Л. Довгопольок, однако, поступал более решительно. К чести А. С. Макаренко надо заметить, что он в своей

борьбе действовал исключительно административными методами, а не врывался в храм во время богослужения, не угрожал оружием священникам, не сбрасывал крест с купола собора, как делал это Довгополук [4, с. 163–164].

В конце концов, Куряжский собор был закрыт немногим более чем через год после увольнения А. С. Макаренко из колонии – на октябрьские праздники 1929 г. Продолжительное время он стоял пустым либо занятым каким-то хозяйственным имуществом. И лишь в конце 1930 г. был составлен план и смета на перестройку собора под колонистский клуб [12].

Приведенные материалы, прежде всего, дают дополнительные данные к дискуссионным темам современного макаренковедения «Макаренко и религия» и «Макаренко и церковь». Кроме того, они представляют для нас чрезвычайно интересное явление нашего недавнего прошлого – противостояние двух, несомненно, гуманистических начал: религиозного спасения человеческой души и физического спасения обездоленного и обреченного детства.

Библиографический список

1. *Макаренко А. С.* Педагогическая поэма [Текст] / А. С. Макаренко; сост., авт. вступ. ст., примеч., коммент. С. Невская. М., 2003.
2. *Переписка А. С. Макаренко с женой* [Текст]: в 2 т. / сост. и коммент. Г. Хиллиг и С. Невская. Введение Г. Хиллига. Т. 1. М., 1994.
3. *Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким* [Текст]: академическое издание / под ред. Г. Хиллига при участии С. С. Невской. Марбург, 1990.
4. *Hillig G. Verblaßte Gesichter, vergessene Menschen: 28 Porträts von «Freunden» und «Feinden»* A. S. Makarenkos. Bremen: Ed. Temmen, 1999.
5. *ГАХО*,¹ ф. Р-917, оп. 1, д. 27, л. 265–268.
6. *ГАХО*, ф. Р-845, оп. 2, д. 893, л. 37–37 с об.
7. *ГАХО*, ф. Р-845, оп. 2, д. 893, л. 34.
8. *ГАХО*, ф. Р-845, оп. 2, д. 893, л. 35.
9. *ГАХО*, ф. Р-845, оп. 2, д. 893, л. 36.
10. *ГАХО*, ф. Р-408, оп. 4, д. 171, л. 13–15 с об.
11. *ГАХО*, ф. Р-917, оп. 1, д. 44, л. 22–22 с об.
12. *ГАХО*, ф. Р-858, оп. 1, д. 84, л. 192.
13. *ЦГАВОВУ*², ф. 166, оп. 6, д. 1823, л. 42 с об.

---

¹ ГАХО – Государственный архив Харьковской области

² ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив Великой Отечественной войны Украины.